

ИРКУТСКАЯ ЕПАРХИЯ В НАЧАЛЕ XX в.: ОПЫТ ПРИХОДСКОЙ РЕФОРМЫ

В начале XX в. православная церковь столкнулась с началом обновленческого движения. Звучали призывы к восстановлению патриаршества, переводу богослужения на русский язык, введению свободы совести, реформированию деятельности Святейшего Синода, изменению правоприменительной практики ряда канонических установлений. В марте 1905 г. тридцать два петербургских священника опубликовали письмо «Необходимость перемен в русском церковном управлении», в котором, в частности, утверждалось: «Если воспроизведенные нормы канонического церковного строя найдут место в устройении и обеспечении церковного самоуправления нашей православной церкви, то на первом плане должно стоять, таким образом, упорядочение и развитие епархиального управления в строгой сообразности с духом канонов, узаконяющих широкий простор соборности в церкви. Эта соборность корнями углубляется в самостоятельную, широко развитую жизнь приходов, как низших единиц, ячеек жизни церковной» (*Церковный вестник. 1905. № 11. С. 423*).

Одной из последовательных программ церковной реформы стала записка С.Ю. Витте «О современном положении православной церкви», одобренная митрополитом Антонием (Вадковским). Он лаконично и четко выразил чаяния значительной части русского общества: «Без живой церкви религия обращается в философию, а не входит в жизнь и ее не регулирует. Без религии же масса обращается в зверей, но зверей худшего типа, ибо звери эти обладают большими умами, нежели четвероногие. У нас церковь обратилась в мертвое, бюрократическое учреждение, церковные служения — в службы не Богу, а земным богам, всякое православие — в православное язычество. Вот в чем заключается главная опасность для России» (*Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 45*).

Возврат к каноническим формам церковного управления и самоуправления означал расширение участия мирян в решении наиболее важных церковных проблем и возвращение к практике соборности. Для низовых церковных структур — приходов — это подразумевало обязательную и скорейшую модернизацию приходской жизни. Возрождение внутренней жизни церкви должно было привести к единению пастырей и паствы, повышению авторитета и благосостояния духовенства, а также расширению благотворительной и культурно-просветительной деятельности приходов.

Традиции сибирской церковной жизни до 1730–1740-х гг. подразумевали самую широкую автономию приходов, самостоятельно решавших вопросы строительства и обеспечения храмов богослужебными пред-

метами и материалами, содержания духовенства. Из среды верующих выдвигались ставленники — будущие члены причта и клира, с которыми приход заключал договор (так называемый «выбор»). Епархиальная администрация лишь информировалась о переменах в приходе.

Реформы петровской эпохи ввели жизнь церковных приходов в жестко регламентированные рамки и предельно централизовали управление ею, что вызвало постепенную утрату интереса прихожан к собственно церковной жизни и разобщило клир и мирян (*подробнее см.: Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII–начале XX вв. Иркутск, 2006*).

Начало XX в. продемонстрировало определенное падение религиозности сибиряков. Уровень «благочестия», определявшийся священниками долей прихожан, бывающих у исповеди и причастия, неуклонно снижался. Жалобы на негативное отношение прихожан к священникам, особенно в крупных селах и городах Восточной Сибири, стали общим местом практически во всех корреспонденциях с мест, публиковавшихся в «Иркутских епархиальных ведомостях». Например, с 1901 по 1911 г. в с. Новоудинском сменилось 9 священников. По свидетельству о. С. Громова, причту этого села приходилось выдерживать «унижения, насмешки, издевательства невежественных крестьян, особенно усилившиеся после волнений 1905–1907 г.». Доля соблюдавших посты неуклонно снижалась, криминогенная обстановка в селе ухудшалась на глазах (*ГАИО, ф. 50, оп. 6, д. 159, л. 134–23об.*).

С 1896 г. члены причтов были переведены на казенное содержание, что резко снизило их благосостояние. Согласно «Расписанию штатного содержания причтов сельских и городских церквей» в 1898 г. священник в среднем получал 70–90 р., дьякон — 30 р. в год. В церквях, где не было дьякона, жалование священника повышалось до 100–150 р. (*Там же, д. 11229, л. 42*). Средний заработок рабочего был в три раза больше.

После ухудшения экономической ситуации в Восточной Сибири в 1903–1905 г. (ряд неурожаев, золотопромышленный кризис и т.д.) крестьяне начинают отказываться от предоставления ружного и квартирного пособия священникам, обеспеченность которых (а, соответственно, и престиж в глазах прихожан) резко снизилась. Повсеместно отмечалось стремление иереев к перемещению с одного прихода на другой в поисках лучшей жизни, что не способствовало их сближению с прихожанами. Иногда просьба батюшки оплатить требуемое рассматривалась уже как вымогательство (*ИЕВ. 1908. № 8. С. 261*).

В связи с организацией в 1884 г. сети церковно-приходских школ сибирскому духовенству пришлось вступить в тесный контакт с приходской общественностью, так как строительство и оборудование школьных зданий всем необходимым, а также приобретение учебников и школьных принадлежностей ложилось на плечи приходской общины. Опыт взаи-

модействия оказался удручающим: церковно-школьные попечительства в Иркутской и Енисейской губерниях широкого распространения не получили. Размер ассигнований, поступающих от сельских обществ на содержание церковных школ, никогда не превышал 10–12 тыс. р. по епархии в целом, а любую инициативу духовенства крестьянство воспринимало теперь крайне негативно, заранее считая ее средством «законного отъема» денег у населения.

Дореволюционный приход не являлся самостоятельным юридическим лицом и представлял собой довольно простую организационную структуру. Помимо привычных нам членов причта и церковных старост при некоторых храмах имелись церковно-приходские попечительства, занимавшиеся управлением приходским хозяйством. В расходовании материальных средств им были подотчетны священники и старосты.

Попечительства могли оказывать поддержку церковной школе, изыскивать дополнительные источники финансирования церкви, распоряжаться имеющейся у храма землей, производить сборы по подписным листам и книжкам, побуждать членов прихода к жертвованию или завещанию капиталов и имущества в пользу храма. Большинство попечительств существовало формально, а те, что действительно функционировали, находились под жестким контролем Иркутской духовной консистории. Документы свидетельствуют о серьезных, запутанных, протяженных во времени конфликтах между священником и советами, старостами, попечительствами (*ГАИО, ф. 50, оп. 8, д. 760, л. 10–14*). Таким образом, следует сделать вывод о неоднозначных, противоречивых отношениях между духовенством и наиболее активными прихожанами, сложности во взаимоотношениях между которыми копилась не одно десятилетие.

Революционные волнения начала XX в. обратили внимание духовного ведомства на возможность активизации приходской деятельности как на средство отвлечения от участия в политической борьбе не только прихожан, но и клира. На страницах епархиальной периодики дебатировались вопросы улучшения и оживления церковно-приходской жизни. Рекомендовалось открытие церковно-приходских советов, братств, собраний, попечительств и иных «учреждений ради возобновления христианской жизни», укрепления связи духовенства и прихожан, поддержки народного просвещения.

Однако ожидавшие обновления приходской жизни наталкивались на привычные препятствия, гасившие любую общественную инициативу. Показателен опыт одного из благочинных Илимского уезда о. Н. Пономарева. Получив указание об организации церковно-приходского совета с целью «теснейшего объединения прихожан с пастырем и между собою и для суждения о способах удовлетворения нужд прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях, для возбуждения в прихожанах усердия ко храмам Божиим», благочинный

решил сначала завоевать симпатии прихожан. Собрав 16 апреля 1906 г. всех совершеннолетних мужчин собственного прихода с. Нижнелимского, священник, сам того не подозревая, фактически попытался возродить старинный институт приходских сходов, игравший важнейшую роль в жизни допетровской сибирской общины. В XVII–начале XVIII вв. такой сход решал вопросы выбора членов клира и причта, организации богослужебной жизни, определял границы прихода, распоряжался церковным имуществом и казной.

О. Н. Пономарев предложил начать деятельность церковно-приходского совета не с очередной и ожидаемой крестьянами просьбы о деньгах, а с участия в решении проблем сельских обществ. В Иркутскую губернскую палату благочинным было направлено множество наболевших вопросов, перечисленных делегатами сельских сходов: замена натуральной дорожной повинности на денежную, изменение порядка выдачи хлебных ссуд из общественных складов, упразднение чересполосицы в землепользовании, урегулирование права на рыбную ловлю по Илимю и т.п. Тактический ход отца благочинного оправдался: «Даже явно предубежденные против духовенства стали как будто мягче, ласковее. Зародилось сближение на почве общего интереса, мужички чувствовали, что их интересы — интересы и наши, лица повеселели, на душе стало отраднo. Чувствовалось что-то жизненное в деле, чаяния всех были самые жизнерадостные» (ИЕВ. 1907. № 24. С. 627).

В ответе, полученном почти через год, о. Н. Пономареву не рекомендовалось более затрагивать вопросов, не связанных с его компетенцией, а также содержалось уведомление о пересылке документов крестьянскому начальнику четвертого участка Киренского уезда, не признавшего, в свою очередь, поднятые вопросы актуальными и требующими немедленного разрешения.

В числе противников приходской реформы оказались и представители сельской администрации: перехват инициативы в сфере общественной жизни духовенством означал для них сужение возможностей для злоупотреблений и «перенаправление» финансовых потоков в обход местного чиновничества. По свидетельству очевидцев, волостные писари, «получающие часто генеральские оклады содержания (до 5 000–6 000 р. — Н. Н.) и по странному стечению обстоятельств своеобразной сибирской жизни, если не *de jure*, то *de facto* призванные править целыми волостями, становятся в отношении к последним настоящими князьками со всем комфортом» (ИЕВ. 1886. № 22. С. 255).

И в Иркутской, и в Енисейской епархиях отмечались десятки фактов противодействия крестьянских начальников и представителей сельской администрации открытию и функционированию церковных школ и иным инициативам духовенства. В ход шли подлоги, намеренная утеря приговоров сходов и иных документов, угрозы и запугивание крестьян, бюрок-

ратическая волокита и прямая ложь (*Брызгалов И.Л. Церковно-приходские школы и школы грамоты Иркутской епархии в 1896–1897 гг. Иркутск, 1897. С. 129–131. ЕЕВ. 1914. № 22. С. 23–27; ИЕВ. 1911. № 4. С. 56–62; ИЕВ. 1901. № 12. С. 83. ГАИО, ф. 50, оп. 7, д. 331, л. 8–9; АААКК, ф. 297, оп. 1, д. 48, л. 12*). Рядом исследователей отмечено, что столкновения между приходскими священниками и крестьянскими начальниками были массовыми, основанными не только на корпоративной солидарности последних, но и подкреплявшимися позицией иркутского генерал-губернатора А.Д. Горемыкина (см., напр.: *Оглезнева Г.В. Правительственная политика и деятельность сельского духовенства Восточной Сибири в конце XIX–начале XX вв. // Церковь и государство: история и современность. Иркутск, 2005*).

Боясь утратить административный контроль над приходской общиной, епархиальная администрация пошла привычным путем: формально содействуя начинаниям, на деле она всячески препятствовала действительному развитию широкого церковного самоуправления. Возрождению самостоятельной приходской общественной жизни препятствовали и светские власти. Попытка реформирования низовых церковных структур в Восточной Сибири фактически провалилась, не вызвав серьезных изменений в жизни сибирского прихода.

И.В. ОРЛОВА

ПОПЫТКИ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ в 1920-х гг.

Сегодня сфера образования воспринимается как системная структура, имеющая относительную самостоятельность, способная оказывать активное воздействие на функционирование и развитие общества. В нашей стране более сотни лет образование находится в поле зрения государственной политики, при этом тяжело «вызывало» и укоренялось мнение о том, что образование является важнейшим фактором социально-экономического прогресса, а человек как субъект этого процесса, как производительная сила, должен соответствовать уровню развития государства, в котором живет и трудится. Социальные аспекты образования имеют не только теоретические позиции, но и практические показатели. Именно практическое преломление формирует самочувствие социума, которое отражает эффективность социальных мероприятий.

В данной статье хочется обратиться к историческому опыту советской России 1920-х гг., когда страна переживала опыт государственного регулирования социальных процессов в условиях переходного общества — опыт эпохи нэпа. В исторической литературе переход к нэпу принято рассматривать как уступку населению, как систему антикризисных